

Обстановка под названием «изолированная армия без подкрепления со стороны продолжала храбро сражаться» [1] внезапно сменилась на театральную. Жун Тянь, используя азбуку Морзе, отправил короткое сообщение в военный совет Дунфань, но самое удивительное — всегда скрывающаяся во внутренних покоях дворца вдовствующая императрица неожиданно вышла на сцену, притворившись выдающимся [2] и ведающим письменами «Сунь-цзы» учителем Сунем. Фэн Мин хоть и предполагал, что достаточно хорошо закалил свою психику, попав в эту древнюю эпоху, однако сейчас его сердце невольно учащённо забилось, подскочив в груди.

Шутка обернулась правдой и горькими слезами, а сама сцена встречи ученика и учителя могла взять «Оскара». Вопросы, переполнявшие душу юноши, рвались наружу, но, к сожалению, Лу Дань, этот чрезмерно гостеприимный хозяин, находился рядом, не позволяя Фэн Мину сделать даже малейший намёк.

— Учитель Сунь объяснил мне «Искусство войны», и это действительно бесподобно. — Лу Дань поднял руку. — Давайте отведаем наш знаменитый дунфаньский зимний чай и вновь послушаем учения о военном искусстве от учителя Суня.

— Хорошо-хорошо. Господин советник действительно с большим интересом относится к военному искусству в сравнении с моим безамбициозным учеником. — Матушка императора Силэй спокойно попробовала чай, однако на самом деле в душе женщина находилась в смятении.

Её так называемое «военное искусство» являлось учением Жун Тяня, который, в свою очередь, перенял его от Фэн Мина. Всесторонне овладев знаниями князя, император Силэй, словно поздно спохватившись [3], обучил женщину. В сравнении с военным искусством Фэн Мина, который под угрозами недоволено и нехотя «выплёвывал», а где-то что-то недосказывал, объяснения вдовствующей императрицы, внимательно усвоившей уроки Жун Тяня, конечно же, были куда понятнее.

Однако эти знания, в конце концов, были ограничены, Лу Дань являлся целью, которую не так-то просто обмануть. Если он продолжит расспрашивать «Сунь-цзы» о военном искусстве, то, вероятнее, даже мать-императрица, эта «лже-Сунь-цзы», не выдержит и покажет старый лисий хвост [4].

Лу Дань вновь заговорил:

— Я слышал, как князь Мин рассказывал, что у учителя Суня есть два изумительных трактата о военном искусстве. Первый трактат называется «Искусство войны». Князь Мин во время войны на берегу реки Оман сжёг цепной корабль, как раз воспользовавшись стратагемой из этого трактата. Однако второй — «Второе искусство войны» — в сравнении с «Искусством войны» в сотни раз мощнее.

Фэн Мин как раз, опустив голову, пил чай и чуть не выпрыснул жидкость на голову «учителя».

Вдовствующая императрица тоже остолбенела от изумления. Женщина не вполне усвоила учение Жун Тяня об «Искусстве войны», так откуда ещё взялось «Второе искусство войны»? Вдовствующая императрица с удивлением обернулась и уставилась на Фэн Мина.

Юноша, наоборот, сообразив, тотчас же поднялся на ноги и, подойдя к вдовствующей императрице, с шумом плюхнулся на колени, негромко произнося:

— Это Ваш дурной ученик без разрешения учителя самовольно рассказал господину советнику про другой трактат о военном искусстве, написанный учителем.

Внутренние покои дворца являлись крайне обманчивым местом, где каждый старался обвести другого вокруг пальца. Что же касается театральности, то врождённые способности матушки-императрицы несколько не отличались от таланта Фэн Мина. Женщина, сразу же беспомощно покачав головой, приглушённо отозвалась:

— Фэн Мин, спустившись с гор, неужели ты забыл слова учителя, сказанные тебе?

— Учитель говорил, что «Второе искусство войны» в сравнении с «Искусством войны» в сотню крат мощнее, сейчас глядя на уровень военного искусства стран, нужно применить «Искусство войны», этого с лихвой хватит. «Второе искусство войны» ещё не время использовать, нужно подождать, когда военная мощь всех стран поднимется на более высокий уровень, только тогда людям будет позволено узнать его, — Фэн Мин спешно выложил начистоту несусветную чепуху, чтобы ничего не знающая мать-императрица не выдала себя [5].

— Всё же ты смеешь беспричинно разглашать об этом? — И мать-императрица ударила по ручке кресла, обнажая многолетнюю мощь императрицы, которой действительно нельзя было пренебрегать.

Лу Дань спешно сказал со смехом:

— Учитель Сунь, пожалуйста, не сетуйте на князя Мина, это всё из-за дурного Лу Даня. Мы несколько раз вели дискуссии насчёт древнего и нынешнего военного искусства, и в ходе этой приятной беседы господин советник всё-таки случайно заставил князя Мина...

В момент, когда слова были озвучены до половины, слуга Лу Даня прошептал, находясь за занавеской:

— Докладываю господину советнику...

— Кто позволил тебе войти? — прервал Лу Дань слугу и хмуро, с недовольством добавил: — Разве не было велено, что этот советник составляет компанию учителю Суню и князю Мину и тревожить их не позволено?

— Господин советник, простите, но дело касается очень важной военной тайны. Цзюнь Цин вынужден потревожить, — внезапно раздался бодрый голос Цзюнь лин-сы и послышался звук постепенно приближающихся шагов, похоже, направляющихся прямо в комнату.

Вскоре занавеска поднялась, пропуская Цзюнь Цина, а также нескольких старых генералов.

Лицо Лу Даня слегка помрачнело, а сам господин советник, поднявшись на ноги, уже изменился в лице и с улыбкой проговорил:

— Личный визит Цзюнь лин-сы для Лу Даня большая честь. Цзюнь лин-сы пожаловал как раз вовремя, мы здесь с учителем Сунь Цзы, знаменитым своим военным искусством, как раз обсуждали его трактаты. Цзюнь лин-сы тоже глубоко изучал военное дело, не хотите ли присоединиться? Слуги, подать чаю.

— Нет уж, спасибо. — Не садясь, а наоборот, продолжая стоять, словно копьё, генерал сурово проговорил: — Цель прибытия Цзюнь лин-сы крайне проста: чтобы попросить учителя Суня расшифровать одно странное письмо, найденное у шпиона Бэйци.

— Письмо?

— Опираясь на слова князя Мина, такие древние письма мало кто может прочесть, и учитель Сунь один из тех немногих. — Цзюнь Лин-сы посмотрел на мать-императрицу и, заметив, что учитель — женщина, в душе слегка удивился; сдержанный и немногословный по характеру, генерал сложил руки в знак почтения и проговорил: — Не знаю, окажет ли учитель Сунь честь, отправившись в зал заседания обсудить военные дела?

— Не понимаю, Цзюнь лин-сы только что сказал про какое-то письмо? — проговорил Лу Дань.

Мужчина, посмотрев на господина советника, проявил немного эмоций:

— Прошу извинить, господин советник, это военная тайна, и только высокопоставленные генералы могут вмешиваться.

Лицо Лу Даня внезапно покраснело, в глазах сверкнули злоба и ненависть, которые незамедлительно исчезли. Господин советник хоть был сообразительным и обладал огромной властью в императорском дворце, и даже уничтожил старый совет цзиши, однако не имел права вмешиваться в созданную военную систему. Генералы Дунфань обладали огромным чувством верности к царствующему дому Дунфань, они уважали судьбу и уважали систему воинских заслуг. Лу Дань же, будучи рождённым простолюдином, да и никогда не бывавший на поле боя, конечно, не имел права командовать военным советом. Эта система была почти нерушима, даже император Дунфань боялся легко расшатать её устои, вот почему для Лу Даня Цзюнь лин-сы являлся весьма опасным человеком.

Хоть господин советник и убил цзиши, однако они всё же являлись кучкой старух, управляющих верой, а не настоящими солдатами, готовыми сложить голову и пролить кровь. Тем не менее род Цзюнь не шёл ни в какое сравнение с цзиши, и это раздражало. Можно было подвергнуться травле со стороны известных генералов, с самого детства получивших строгое воспитание и готовых в любой момент встретиться с могучим войском.

Поэтому, пусть даже Лу Дань добился доверия и любви со стороны императора Дунфань, пробиться в военный совет было делом совсем непростым.

Также истинной причиной было то, что господин советник с нетерпением хотел использовать как Фэн Мина, так и «учителя Суня». Заполучив их помощь, что было весьма вероятно, Лу Дань приобрёл бы влияние в армии, к которой он так жадно стремился.

Во всяком случае Фэн Мин уже приобрёл служебное положение в армии.

Цзюнь Цин стоял в ожидании знака, который ответил бы, отправится ли вдовствующая императрица в зал заседаний или нет, а господин советник с искажённым от злости лицом восседал на месте хозяина.

У Фэн Мина вспотели ладони. Ведь неся чушь, что «Сунь-цзы» понимает древние письмена, юноша даже помыслить не мог о действительном появлении «Сунь-цзы».

И сейчас князь был пойман «на месте преступления».

Если вдовствующая императрица, поглядев на письмо, не даст ответа, то будет ясно, что князь Мин солгал и не исключена возможность, что Цзюнь Цин, дождавшись этого повода, тотчас же отрубит ему голову; а если ответит, то как переведёт письмена в этом «Небесном послании»? В конце концов, не скажет же правду?

«Я рядом, дождись меня».

При мысли о пришедшем коротком сообщении Жун Тяня в душе разлилась сладость, а губы едва не дрогнули в улыбке. Фэн Мин, заскрежетав зубами, опустил голову: «Какого чёрта? Сейчас не стоит думать о всей этой ерунде».

Правду раскрывать никак нельзя, однако если как попало перевести, то Цзюнь Цин всё поймёт, и тогда маленькая трещинка может привести к огромному поражению.

— Учитель Сунь, пожалуйста. — Поднял занавеску подчинённый Цзюнь Цина.

Не знающая сути дела мать-императрица лишь посмотрела на пожелтевшее лицо князя Мина. Как она могла без стеснения отправиться куда-то с этими людьми? Слегка стукнув крышкой и закрывая чашечку чая, женщина совсем не проронила и слова.

Цзюнь Цин, сделав шаг вперёд, проговорил:

— Учитель Сунь, поторопитесь, прошу идёмте.

Лу Дань сердился на бесцеремонного Цзюнь Цина, но, увидев, что «учитель Сунь» не обращает на генерала никакого внимания, решил оказать ей поддержку и немедля с холодной усмешкой сказал:

— Цзюнь лин-сы, учитель Сунь является приглашённым гостем этого советника, а не подчинённым Цзюнь лин-сы. Пойти или не пойти в зал заседаний — лучше учителю Суню самому решать.

Горло Цзюнь Цина сдавило, лишая голоса, но проявлять злость было неприемлемо. Военные дела хоть и были крайне напряжёнными, однако лицо терять ни в коем случае нельзя, и, сдержав гнев, мужчина обратился к Фэн Мину со словами:

— Князь Мин знает, насколько серьёзным является дело. Прошу князя Мина уговорить Вашего учителя пойти с нами, чтобы не обмануть доверия государя к князю Мину. — Тон голоса звучал умеренно, наоборот, удивляя юношу.

Из-за этого Фэн Мину стало неудобно наблюдать за всем со стороны, и он, наклонившись к уху вдовствующей императрицы, прошептал:

— Учитель, Цзюнь лин-сы сегодня получил письмо, найденное у шпиона Бэйци, в нём были похожие письма, упоминаемые учителем ранее, с помощью которых духи общались с людьми, а Ваш ученик осмелился [6] сказать Цзюнь лин-сы, что учитель понимает подобные письма. Цзюнь лин-сы очень надеется расшифровать содержание письма и хочет пригласить учителя в зал заседаний. Что учитель думает по этому поводу? — Опасаясь, что у Лу Даня крайне острый слух и что он может услышать его бубнёж, юноша говорил очень осторожно, не смея обнажить даже малую долю конского копыта [7].

Только тогда вдовствующая императрица поняла и взглянула на Фэн Мина:

— Вот в чём дело, ты вновь сделал не то, что нужно.

— Верно, верно, Ваш ученик бестолковый, — склонился низко юноша, слушая нотации. Так или иначе, вдовствующая императрица являлась матерью Жун Тяня и была старше самого князя, поэтому преклониться перед ней вовсе не означало терять лицо.

— На счёт этого... — Вдовствующая императрица вновь посмотрела на Лу Даня. — Что думает господин советник?

Лицо Лу Даня, который увидел, что «учитель Сунь» спрашивает его мнение, выражая

напрямую его значимость, сразу же несколько просияло, однако при всей своей расчётливости господин советник, конечно, не мог сказать: «Учителю не стоит помогать», потому с улыбкой ответил:

— Лу Дань всегда с уважением отнесётся к решению учителя.

Подчинённые, пришедшие с Цзюнь Цинем, увидев, что этот «учитель Сунь» крайне важничает, от гнева крепко сжали кулаки, и лишь Цзюнь Цин, храня молчание, не осмелился гневаться.

Вдовствующая императрица сделала вид, что немного задумалась, после чего проговорила, обращаясь к Цзюнь Цину:

— Признаюсь Цзюнь лин-сы, Сунь-цзы уже давно не заботят эти бранные земные распри, но раз уж мой ученик Фэн Мин выдал тайну, к тому же заставил Цзюнь лин-сы лично явиться и спросить, поэтому, чтобы отплатить сердечному и гостеприимному господину советнику, мне следует сделать хоть что-то ради Дунфань. Хорошо, я помогу Цзюнь лин-сы, только... я старею и не могу держаться на ногах, если у Цзюнь лин-сы есть вопросы, то задайте их здесь, а чтобы обсудить их в зале заседания, извините, я не пойду.

Цзюнь Цин задумался. Храня при себе копию письма, мужчина собирался пригласить «учителя Суня» в зал заседаний, а не обсуждать здесь, так как изначально намеревался притеснить высокомерного Лу Даня, только если сейчас из-за внутренней борьбы Цзюнь Цин промедлит, то это того не стоит. Поразмыслив с мгновение, генерал без лишних слов достал из-за пазухи письмо и проговорил:

— В таком случае прошу учителя Суня взглянуть сейчас.

Взяв письмо и развернув его, вдовствующая императрица прочитала его:

— Э? Всё же действительно это применяемые духами старые письма. Каким образом вы их раздобыли? — правдоподобно удивилась женщина.

— От одного только что пойманного шпиона. Учитель, если действительно можете, то просим: переведите содержание письма.

Фэн Мин, словно муравей, попавший на горячую сковороду [8], чувствовал, как пот выступил по всему телу.

«Матушка-императрица, Вам в любом случае нужно придумать ложь, чтобы обмануть Лу Даня и Цзюнь лин-сы, хоть это не так-то легко». Что бы ни придумала вдовствующая императрица, они, весьма вероятно, попросят матушку-императрицу перевести слово в слово одинаковые тире и точки, которые повторяются постоянно. Иначе говоря, стоит Её Величеству чуть-чуть проявить неосторожность и если перевод будет не соответствующим, вдовствующая

императрица тотчас же выдаст себя с головой.

Женщина не торопилась, держа в руках письмо, посмотрела налево, затем направо и, что-то пробормотав себе под нос, внезапно закрыла глаза, размышляя. Окружающие её люди, ожидая, что она скажет, вытянули шеи; когда мышцы шеи заныли, Её Величество нахмурила брови, обнажая на лбу старческие морщины, и, обратившись к Цзюнь лин-сы, ответила:

— Я тоже не знаю содержание письма.

— Что? — закричал Фэн Мин.

«Жестоко, жестоко, матушка-императрица... Учитель, Вы выбрали ответ не слишком ли...»

— Что? — удивился Цзюнь Цин, не в состоянии скрыть разочарования и обнажая скептицизм.

Положив письмо на стол, женщина медленно проговорила:

— Из-за того, что это письмо не полное. Небесные письмена в сравнении с людским языком в тысячи раз сложнее. Могу ли я перевести содержание письма, если оно не полное? Это как военная карта, имея лишь кусок карты, возможно ли опознать, что за местность?

Фэн Мин вытарашил глаза, едва не намереваясь броситься и крепко-крепко расцеловать морщинистое лицо вдовствующей императрицы. Этот предлог был превосходен!

Старый имбирь всё же острее [9].

— Учитель хочет сказать, у этого письма есть и другие части? — спросил Цзюнь Цин.

— Совершенно верно.

— Как такое возможно?

— А почему нет? — Отпив горячий чай, вдовствующая императрица посмотрела на Лу Даня. — Сейчас между одиннадцатью странами царит разногласие, и каждая страна делает всё возможное, чтобы сохранить военное положение. Важные сведения делят на несколько частей и передают в разные руки. Господин советник, несомненно, тоже слышал нечто подобное, верно?

Конечно же Лу Дань, выражая поддержку, слегка кивнул:

— Верно. У каждого находятся разные части записки, которые, попав в одни руки, вновь

соединяться в целое послание. Так удобно и незачем беспокоиться, что, когда посылного схватят, тайна обнаружится.

О таком методе передачи информации Цзюнь Цин, конечно же, тоже слышал.

Однако государство Бэйци являлось самым опасным и могущественным соседом Дунфань, частые поползновения, происходившие недавно, заставляли как Цзюнь Цина, так и других генералов насторожиться, а сейчас обнаружился шпион; кроме того, инцидент касался проникшего в армию шпиона и древних странных букв, что придавало делу оттенок мистики, поэтому не терпелось всё прояснить.

Цзюнь Цин изначально сомневался в словах Фэн Мина, только не мог понять причину: почему князь обманывает его, ведь если юношу разоблачат, будет совсем не весело, если бы «учитель Сунь» расшифровал письмо, то можно было бы, основываясь на содержимом, предположить: ложь или истина, но мужчина никак не думал, что учитель обратит внимание на нецелостность письма.

Фэн Мин проговорил:

— Цзюнь лин-сы, на мой взгляд, если хотите перевести содержание письма, то всё равно понадобится поймать остальных шпионов.

— Я уже приказал тайно наблюдать за незнакомцами, что недавно появились вблизи воинской части. — Цзюнь Цин, ответив, был по горло сыт разочарованием, также осознав, что вновь спрашивать излишне, посмотрел на небо, проверяя время, и проговорил: — В таком случае, мне ещё предстоит разобраться с важными делами, но сначала попрощаюсь. — Ведя за собой подчинённых, мужчина широким шагом вышел, но вскоре вновь развернулся, возвращаясь в комнату, и, обращаясь к Фэн Мину, сказал: — Цзюнь Тин доложила, что князь Мин думает десять дней не наблюдать за тренировками солдат, а остаться во дворце и писать стратегию обучения войск?

— Именно так, — настороженно ответил Фэн Мин. «Ой, уж не задумал ли ты каждый день ловить меня и отправлять на тренировки, продолжая применять на мне тактику "боевого истощения"?»

— Так нельзя. Князь Мин позабыл кое-что: наши рядовые солдаты должны сражаться раз в месяц, и это еженедельно. Вы используете десять дней для составления стратегии, а когда же настанет время тренировок? Князь Мин, лучше давайте запишите, что нужно за три дня, и всё в общих чертах. — Цзюнь Цин обнажил шелковинку блёклой улыбки. — Я уже приказал Цзюнь Тин на протяжении этого времени приезжать во дворец и помогать князю Мину. Она слишком молода, и ей не хватает опыта, а князь Мин многому научит её. — Не позволяя Фэн Мину возразить, генерал обратился к Лу Даню, сложив руки в знак почтения, после чего, шествуя впереди подчинённых, покинул комнату.

В душе сетуя на выпавшие страдания, Фэн Мину показалось, что Цзюнь Цин рассчитывал

использовать свою дочь, словно пластырь, который бы приклеился к князю.

Вдовствующая императрица казалась уставшей и, обращаясь к Лу Даню, сказала со смехом:

— Кости состарились, и мне не следует переутомляться. Весь путь сюда прошёл в тряске, и меня до сих пор ещё шатает, словно я в паланкине.

На что Лу Дань ответил:

— Это Лу Дань поступил опрометчиво. Учитель приехал издалека, и ему действительно нужен хороший отдых. Я как раз займусь важными делами. А во время вечернего банкета вновь побеседуем с учителем. Ну как?

Мать-императрица, покачав головой, произнесла:

— Я горный человек и не люблю слишком многолюдную обстановку...

— Конечно, если учителю не нравится, на вечерний банкет учитель может и не приходить, — отказался от своих слов господин советник. — Тогда Лу Дань подождёт, когда учитель хорошенько отдохнёт, и снова попросит учителя не отказать в совете.

По-видимому, от этого безмятежного пластыря не избавиться никогда.

И Фэн Мин, воспользовавшись случаем, проговорил:

— Учитель остановится у своего ученика, лучше позвольте ученику позаботиться об учителе.

Вдовствующая императрица посмотрела на господина советника, который, конечно же, отнёсся к словам с вниманием и, кивнув, ответил:

— Спасибо за любезность, князь Мин, я потом могу прислать несколько смышлёных служанок, чтобы поухаживали за князем.

Лу Дань лично проводил двух человек к порогу и, позвав приближённых слуг, вместе сопроводил их в дворцовые покои, где расположился Фэн Мин.

Князь, сдерживая переполнявшее душу волнение, вернулся в свою комнату, где махнул рукой, отпуская слуг. Как только закрылась дверь, юноша, по-прежнему переживая, что их могут подслушивать, приблизился к матери императора Силэй и шёпотом спросил:

— Ну как?

Вдовствующая императрица скосила на юношу взгляд старческих глаз и неспешно ответила:

— О чём князь Мин спрашивает?

— Ай-яй... — топнул Фэн Мин и, потирая от нетерпения руки, проговорил: — Конечно же о нём.

Посмотрев на такого князя, женщина не удержалась от смеха, и, показав несколько морщинок и на долгое время прикрыв глаза, вдовствующая императрица ответила:

— Скажу на ухо.

Фэн Мин тотчас же послушно приблизил ухо.

— Заболел.

— Заболел? — в ужасе вскрикнул юноша и, осмотревшись по сторонам, приглушённо спросил: — Как... как он мог заболеть? Чем болен? Тогда почему же он сказал, что рядом? Что нужно дожидаться его?

— Любовной тоской. Всё же непонятная болезнь.

Фэн Мин хотел ещё что-то спросить, однако вдовствующая императрица внезапно опередила, сказав:

— Не нужно слов.

Двое людей, затаив дыхание, прислушивались к шорохам снаружи, спустя какое-то время мать-императрица приглушённо проговорила:

— Государь знает, что князь Мин встретится со мной [10] и наверняка задаст множество вопросов. Разъяснить их крайне хлопотно, а потому всё же подождите, позже государь лично всё объяснит князю Мину. Сейчас князю Мину лучше дожидаться новостей от Его Величества, так как государь уже придумал план, как свести счёты с Дунфань, князю Мину нужно лишь ждать, этого будет достаточно. — Договорив, женщина поднялась на ноги и стала любоваться изящной мебелировкой комнаты.

Теперь Фэн Мин ещё больше запутался, а находясь в подобном положении, разве согласился бы оставить всё как есть?! Неуклонно следуя за матушкой-императрицей, юноша без конца спрашивал:

— В конце концов, что с Силэй? Здесь говорят, что престол присвоил Тун-эр. Что случилось?

— Позднее получите ответ.

— В конце концов, что за план он придумал?

— Не нужно больше вопросов.

— Я в опасной ситуации. Как могу успокоиться и не спрашивать?

Мать-императрица остановилась и со вздохом прошептала:

— Если он не позволяет Вам знать, разумеется, у него есть на это причины. Князь Мин не доверяет государю?

— ...Почему?

— Вам нужно лишь довериться государю, и тогда всё будет хорошо. Здесь слишком много следящих людей, если они увидят, что мы часто перешёптываемся, наверняка могут что-то заподозрить. С этих пор Вы являетесь моим учеником, а я — Вашим учителем, и не нужно больше ни о чём спрашивать.

Князь закрыл рот и, следуя за взглядом матери-императрицы, посмотрел в окно, где лежал нарастающий белый снег.

«Хорошо, я верю тебе.

Нужно лишь довериться тебе, и тогда всё будет хорошо.

Могучее войско Дунфань не сможет остановить меч в твоей руке, в этом я уверен».

Раздался стук в дверь, и служанки, стоя снаружи, тактично и звучно проговорили:

— Учитель Сунь, князь Мин, еда уже готова.

Только сомнений, что переполняли душу, от неизменных отказов матушки-императрицы дать внятный ответ, стало больше.

Испытывая недоумение, Фэн Мин ночью увидел крайне длинный сон.

Далёкое лицо Жун Тяня сейчас ясно появилось перед глазами, с императорской короной на голове мужчина выглядел так, словно только что, обсудив политические дела, вернулся во

дворец наследного принца.

— Жун Тянь, я хочу прокатиться верхом! — закричал князь, ласково прижимаясь к императору Силэй.

— Я хочу съесть димсам!

— Я хочу твоих объятий!

— Я устал, хочу уснуть в твоих объятиях!

Фэн Мин непрерывно шумел, глядя на своего понятливого и послушного Жун Тяня, более того, действуя нагло, князь заявил:

— Сегодня вечером я буду сверху!

На что Жун Тянь сразу изменился в лице:

— Не выйдет!

Донёлся рёв, словно земля и горы содрогнулись, и у князя зарябило в глазах, лицо Жун Тяня внезапно изменилось, принимая очертания императора Ли Жо Яня.

Фэн Мин, испугавшись, звонко прокричал:

— Не может быть! Не может быть!

Стоящий сзади Лу Дань рассмеялся:

— Конечно, этого не может быть, князь Мин принадлежит нашему государю!

Фэн Мин присмотрелся: перед глазами было лицо не Жо Яня, а императора Дунфань.

— Не хочу! Я не хочу! Не хочу-не хочу! — И князь звонко, до хрипа закричал: — Жун Тянь, поторопись! Поторопись!

— Князь Мин? Князь Мин! Проснитесь скорее!

Его несколько раз потрясли, и только тогда Фэн Мин из последних сил открыл глаза, а на лбу

выступила испарина.

Суй Инь, прижав руки к середине груди, проговорила:

— Наконец-то разбудила, князю Мину снился дурной сон, князь пронзительно кричал. Испугавшись, я подскочила к Вам.

— Хорошо, что это сон... — Фэн Мин, протяжно вздохнув, увидел, что небо ещё не рассвело, после чего обратился к Суй Инь, говоря: — Я тебя разбудил? Прости. Я в порядке, иди спать.

— Спать? — Суй Инь добавила: — Ваша служанка привела прислуживающих князю, чтобы помочь одеться. Князь Мин должен вставать.

— Так рано? Погода холодная, я хочу ещё немного поспать, не стоит меня беспокоить, — повернулся с боку на бок князь.

Суй Инь с трудом пролепетала:

— Но... прибыл тринадцатый помощник полководца и сейчас ждёт в главном зале, сказал, что хочет помочь князю Мину что-то написать.

Князь закатил глаза и свернулся калачиком:

— Скажи ей, что я заболел и проснусь только в полдень.

— Это...

— Ступай.

Ладно учебный плац, но здесь разве не владения князя Мина? Даже если нет, скорее владения Лу Даня, всё равно как она, тринадцатый помощник полководца, потревожила его сладкий сон?

Вставать ранним зимним утром, на самом деле, являлось для Фэн Мина табу.

В конце концов Суй Инь была служанкой и, не смея вновь беспокоить, мягко отступила, покидая комнату.

Князь, довольно зевнув, уже собрался отыскать Чжоу-гуна [11], у которого можно было попросить ниспослать сладких сновидений, где не строили бы козни ни Жо Янь, ни император Дунфань, ни даже Лу Дань.

Унизанная жемчугом занавеска внезапно беспорядочно заколыхалась.

Тело обдало холодом, а тёплое ватное одеяло слетело, огромный поток холодного воздуха коснулся кожи, а сам князь, замёрзнув, пронзительно крикнул, вскочив с кровати.

— Кто? — спросил Фэн Мин.

Тот, кто вторгся в опочивальню, сейчас равнодушно стоял у изголовья кровати, его пальцы ослабли, выпуская из рук одеяло, которое скользнуло на холодный пол.

— Что тебе нужно? — Стоя в лёгком одеянии и обхватив грудь обеими руками, князь трясся от холода.

— Прошу князя Мина немедленно встать с постели, — спокойно сказала Цзюнь Тин. — Отец хочет, чтобы я освободила три дня и, следуя за князем Мином, помогала написать план обучения войск, а не смотрела, как князь Мин спит.

Фэн Мин, обдуваемый утренним холодным ветром, дрожал и зло проговорил:

— Это крайне жестокое обращение — не позволять человеку спать, я пойду к государю и пожалуюсь, что ты тиранишь меня!

— А-а... — Сохраняя спокойствие и хладнокровие, Цзюнь Тин смерила взглядом одетого почти в нижнее бельё Фэн Мина и обнажила шелковинку зловредной [12] улыбки: — Князь Мин только что во сне звал вражеского императора — Жун Тяня, об этом необходимо донести государю, а?

— Ты?

— Согласно задаче отца, кроме изучения основных знаний князя Мина, нужно проверить Вашу Светлость на преданность Дунфань, а если окажется, что князь Мин по-прежнему...

— Хорошо, хорошо, встаю, — заскрежетал зубами Фэн Мин.

Цзюнь Тин слегка фыркнула и, развернувшись кругом, открыла унизанную жемчугом шторку:

— Палочка фимиама зажжена [13]. Цзюнь Тин в дальнем кабинете будет с почтением ожидать Вас.

Примечания:

- [1] Обр.: один человек или группа людей делают дело без всякой поддержки со стороны.
- [2] В оригинале фраза звучит как «достигать (доходить до) неба», обр. в знач.: великий, выдающийся.
- [3] В оригинале фраза звучит как «в трудный момент обнимать ноги Будды», обр. в знач.: поздно спохватиться.
- [4] Выдаст, раскроет себя.
- [5] В оригинале фраза звучит как «высунуть лошадиные копыта», обр.: выдать, раскрыть, показать лисий хвост.
- [6] В оригинале фраза звучит как «желчный пузырь величиною с целый ковш», обр. в знач.: набраться смелости, осмелиться, дерзнуть.
- [7] Раскрыть изъян, выдать себя с головой.
- [8] Обр. в знач.: быть в крайнем волнении, не находить себе места.
- [9] Обр.: пожилые имеют много опыта; ср. старый конь борозды не испортит.
- [10] В оригинале вдовствующая императрица называет себя «айцзя», что означает китайское театральное «я» (в устах вдовствующих жены или матери императора).
- [11] Правитель династии Чжоу, который с человеколюбием правил народом. Помимо этого есть фраза, взятая из книги Конфуция «Беседы и суждения», где Конфуций печалился: «О, как я опустился! Я уже давно не вижу во сне Чжоу-гуна!» (VII, 5). Учитывая, что столь почитаемый Конфуцием Чжоу-гун (VIII в. до н. э.) был основателем царства Лу – родного царства Конфуция – и сыном знаменитого чжоуского правителя Вэн-вана («Культурного правителя»), не сложно догадаться, что когда-то Конфуций нередко видел во сне именно духа Чжоу-гуна. К тому же Чжоу-гун как правитель царства Лу формально мог считаться предком-покровителем самого Учителя. И Конфуций трагически утратил связь с этим духом, не чувствовал его и внезапно осознал, что отринут миром духов вообще. Позже эта фраза стала метафорой, означающей «ночные сновидения».
- [12] В оригинале фраза звучит как «[его] скрытые намерения не измеришь», обр. в знач.: таить коварные планы, действовать со злым умыслом, злобно вредить.
- [13] В Древнем Китае для измерения времени применялись своеобразные «ароматические часы». Горение палочки фимиама составляет около тридцати минут.